

С.В. Карпенко

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОНОПОЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В РОССИИ. ОПЫТ ПРАВИТЕЛЬСТВА ГЕНЕРАЛА П.Н. ВРАНГЕЛЯ

1919 г. — период наибольших успехов Белого движения на юге России. Регулирование внешней торговли было одним из ключевых направлений экономической политики правительства генерала А.И. Деникина.

Срыв «полезного» импорта

Управление торговли и промышленности и другие правительственные органы, регулировавшие частные экспортно-импортные операции, несмотря на все усилия, так и не сумели обеспечить «полезный» импорт промтоваров для армии и населения в нужных объемах в обмен на экспорт сырьевых ресурсов юга России (прежде всего зерна). Они оказались бессильны преодолеть сопротивление предпринимательских кругов путем бюрократического регулирования. Попытки ввести государственную монополию внешней торговли были парализованы не только своекорыстием предпринимателей, но и коррупцией в государственном аппарате деникинской военной диктатуры.

В итоге правительство Деникина в декабре 1919 г. отказалось от намерения ввести (если не полную, то хотя бы частичную) государственную монополию внешней торговли и ввело крайне жесткую и забюрократизированную систему регулирования ввоза и вывоза («Правила 9 декабря»), отдав внешнюю торговлю частному торговому аппарату. «Правила 9 декабря» должны были обеспечить приток на внутренний рынок белого юга необходимых импортных промтоваров, включая военные материалы для армии, а также обеспечить поступление валюты в казну за счет валютных отчислений от доходов торговцев, полученных при реализации сырья на заграничном рынке¹.

Однако этот шаг правительства Деникина совпал с поражениями на фронте и отступлением деникинской армии. Чем ближе к Черному морю отступали войска, чем дальше от России был иностранный порт, куда торговцы прибывали с грузом сырья, тем циничнее они действовали, ориентируясь только на прибыль и нимало не заботясь об интересах казны и нуждах белой армии. Возвращаться обратно на юг России они не собирались, а потому заявляли встретившему их в иностранном порту торговому агенту (представителю) Управления торговли и промышленности, что валютный сбор уплатили при выезде с юга России, а квитанции утеряли и вообще не желают давать объяснения на чужой территории.

Докладывая об этом начальнику Управления торговли и промышленности А.И. Фенину, торговый агент в Болгарии писал: «Я имею несчастье лицезреть здесь обратную сторону медали, которая называется экспортом... Товары везут, и везут много, а казна в моем лице смотрит на них, но валюты никто не получает ни копейки...»².

Так система жесткого регулирования, введенная «Правилами 9 декабря» сразу же была разрушена военно-политической обстановкой, которая дала предпринимателям основания игнорировать экспортно-импортные договоры, заключенные с Управлением торговли и промышленности. Расхищение русского сырья и нарушение законов торговцами приняли размах, которого не знала дореволюционная Россия. Деникин признал, что все меры его правительства по регулированию внешней торговли не позволили снабдить фронт достаточными средствами³.

Курс Врангеля на милитаризацию и огосударствление внешней торговли

Когда остатки деникинских войск отступили в Крым, внешняя торговля приобрела для белого юга совершенно исключительное значение. Она стала вопросом жизни и смерти.

Во-первых, Крым беден природными ресурсами и не имел развитой промышленности, особенно военной (единственное исключение — Севастопольский морской завод). Удовлетворить потребности армии в военных материалах, а населения в промтоварах можно было лишь за счет импорта. Однако товарных излишков зерна, которые можно было бы использовать для экспорта, не было: отрезанный от России, переполненный беженцами и войсками, Крым оказался на грани голода. Во-вторых, в условиях поражений белых обесценивание бумажных рублей, выпущенных деникинским правительством, ускорилось. Поэтому для закупок военных материалов и промтоваров за границей требовалось все больше валюты. Пополнить же ею казну можно было лишь за счет экспорта зерна, которое еще предстояло взять с боем в зернопроизводящих губерниях, прилегающих к Крыму с севера. В-третьих, в Крыму остатки деникинских войск оказались в еще большей зависимости от материальной помощи (военных поставок) держав Антанты, прежде всего Великобритании и Франции, которые были крайне заинтересованы в получении зерна с юга России.

Новый главнокомандующий генерал П.Н. Врангель, проведя сокращение госаппарата, сосредоточил все вопросы снабжения, внутренней и внешней торговли в Управлении снабжений. Начальником управления он назначил генерала П.Э. Вильчевского, которого хорошо знал в бытность того начальником снабжений Кавказской армии и был убежден в его «неподкупной честности, энергии и твердости»⁴.

Однако Вильчевский в вопросах внешней торговли не разбирался. Свою некомпетентность он попытался компенсировать традиционным бюрократическим путем — созданием специальной комиссии из начальников отделов управления. Руководствуясь «Правилами 9 декабря», комиссия рассматривала предложения по экспорту и импорту, поступавшие от торговцев и государственных учреждений, вносила изменения в проекты договоров и рекомендовала или не рекомендовала их к заключению. При решении конкретных дел Вильчевский проявлял крайнюю придирчивость и недоверие ко всем предложениям торговцев поставить армии необходимые ей материалы в обмен на сырье, а также к просьбам разрешить вывоз сырья в том случае, когда заграничные товары уже были ввезены в Крым. И наоборот, он был способен скоропалительно нарушать «Правила 9 декабря» в тех случаях, когда речь шла о вывозе сырья офицерами с целью удовлетворения нужд армии, ее чинов и их семей: легко давал разрешения на вывоз, хотя выгодность операции для казны вызывала сомнения у специалистов⁵.

В марте-апреле 1920 г. экспортно-импортные операции в Крыму почти замерли. В Батуме и Константинополе скапливались товары, доставленные из Европы с целью их ввоза на юг России, последующей закупки сырья и его вывоза. Запасы быстро росли, однако торговые фирмы, российские и иностранные, ждали прояснения обстановки (насколько прочным окажется положение белых в Крыму). Никто не хотел ввозить в Крым товары лишь для того, чтобы они были реквизированы белыми или захвачены красными. Торговцы постоянно запрашивали торговые агентства в Батуме, Константинополе и других черноморских портах, какие правила торговли установил Врангель, какие промтовары наиболее необходимы армии, на вывоз каких видов сырья и на каких условиях можно получить разрешение⁶.

Однако ввиду потери Донецкого каменноугольного района и нефтепромыслов Грозного первостепенной задачей Врангель считал ввоз в Крым топлива, от чего зависела боеспособность флота и безопасность войск и беженцев. Причем ввезти нужно было как можно больше и как можно скорее, не тратя времени на бюрократическую процедуру согласования договоров, заключаемых с торговцами, и на валютные расчеты с ними, а главное, вообще исключив валютные потери из-за махинаций торговцев. Уголь и нефтепродукты можно было приобрести в Потти, Батуме и Константинополе. Кроме того, боеспособность армии зависела от ввоза в Крым оружия, боеприпасов и прочих военных материалов, закупаемых за границей.

Для решения этих задач Врангель назначил генерала А.С. Лукомского военным представителем при союзном командовании в Константинополе. Будучи начальником Военного управления в 1919 г., он был хорошо известен союзникам, а потому ему было легче добиться от

англичан и французов содействия в закупках и перевозке в Крым военных и горюче-смазочных материалов, приобретаемых за валюту, еще остававшуюся на счетах врангелевского правительства в константинопольских банках⁷.

Сочтя себя старшим российским представителем в Турции, Лукомский создал совет, в который включил военных и гражданских чинов от всех учреждений, имеющих отношение к снабжению и торговле. Совет получил право заключать новые договоры с торговыми фирмами, а также вносить изменения в уже заключенные договоры о ввозе в Крым топлива и военных материалов в обмен на сырье. Кроме того, совет получил право «изменять направления казенных грузов, приходящих в Константинополь и проходящих через него транзитом»⁸, т.е. военных материалов, которые поступали в порты юга России на основании договоров, заключенных еще учреждениями деникинского правительства с их фирмами-контрагентами. Так Лукомский, создав при себе совет для координации внешнеторговой и снабженческой деятельности различных ведомств и обеспечив себя квалифицированным мнением гражданских специалистов, фактически стал главным военно-торговым агентом за границей, наделенным воендиктаторскими полномочиями в области внешней торговли и снабжения⁹.

За апрель-май Лукомскому и Вильчевскому удалось наладить закупку и ввоз в Крым угля, бензина, керосина и смазочных масел, а также оружия, боеприпасов, обмундирования, обуви и другого снаряжения для армии. Они предпочитали иметь дело не с частными компаниями, репутация которых среди генералов была изрядно подмочена, а с фирмами-контрагентами государственных учреждений. Как показал опыт 1919 г., фирмы, заключившие договора с учреждениями и выступающие в качестве их контрагентов, добросовестно и своевременно выполняли условия договоров независимо от того, в какой степени отношения между коммерсантами и чиновниками этого учреждения были основаны на заботе о нуждах армии, а в какой — на распределении между ними прибыли путем вымогания или дачи взяток.

Более того, некоторые учреждения и среди них Отдел горный и топлива (Гортоп) стали самостоятельно выходить на внешний рынок, посылая в Батум и Константинополь своих чиновников вместе с грузом сырья, фактически приступив к частичному огосударствлению внешней торговли. Лукомский и Вильчевский благосклонно относились к таким попыткам государственных учреждений заняться внешней торговлей, полагая, что в этих попытках присутствует только казенный интерес и отсутствует корысть чиновников. Поэтому они оказывали всяческое содействие казенным операциям с грузом, следующим для казенной надобности. Привезенное из Крыма контрагентами и самими учреждениями в Константинополь сырье, адресованное на имя

Лукомского, продавалось под контролем его и аппарата торгового агентства на рынке. Все вырученные средства принадлежали казне. На них закупались горюче-смазочные и военные материалы, которые на судах, русских и иностранных, зафрахтованных за казенные деньги, перевозились в Крым под охраной кораблей союзников¹⁰.

Частный экспорт и импорт

В июне армия Врангеля, вырвавшись из Крыма, захватила Северную Таврию, которую использовала и как плацдарм для дальнейшего наступления, и как богатый зернопроизводящий район. Чтобы облегчить закупку зерна учреждениями и частными фирмами для армии и на экспорт, а также стимулировать импорт промтоваров, Врангель разрешил 12 июня полную свободу торговли на территории, занятой его армией, и запретил самочинные реквизиции товаров войсками и различными военными властями¹¹.

В результате успешного наступления армии положение Крыма упрочилось, а в занятой Северной Таврии у крестьян нашлись значительные запасы зерна, убереженного ими от большевистской продразверстки. У правительства была надежда также на хороший новый урожай. С учетом удовлетворения потребностей войск, городского населения и беженцев Северная Таврия могла дать для экспорта 30-40 млн пудов ячменя¹². Врангель оценивал ситуацию оптимистично: «В Северной Таврии имелись большие запасы зерна, приближалось время сбора урожая. За обеспечение необходимым продовольствием занятых армией областей мы могли надеяться получить избыток зерна для обмена на необходимые нам продукты. Запасы обмундирования, снаряжения, бензина, масла и угля приходилось полностью приобретать за границей...»¹³

Однако условия внешней торговли ухудшились, а регулирование ее военно-бюрократическим аппаратом генералов Лукомского и Вильчевского на основе «Правил 9 декабря» ужесточилось, обнаружились главные враги торговли — волокита (оформление разрешения на экспорт занимало 3-5 недель) и вымогательство чиновников. Врангель запретил вывозить пшеницу (самый выгодный экспортный товар) и ввозить предметы роскоши, табак и спиртные напитки (самые выгодные предметы импорта). Ужесточились обязательства обратного «полезного» импорта. Курс рубля продолжал падать. На фронте то и дело случались «неустойки», крайне нервируя все антибольшевистские элементы населения, прежде всего торговцев. Остро не хватало морского тоннажа, фрахт был весьма дорог. Все это отталкивало от торговли с врангелевским Крымом крупные российские фирмы, прочно обосновавшиеся в европейских странах.

Вместе с тем эти же условия и обстоятельства притягивали мелких и средних торговцев, которые, оперируя небольшими партиями сырья и товаров, быстро приспособивались к изменениям порядка ввоза и вывоза, к колебанию конъюнктуры, не нуждаясь в крупном тоннаже, не останавливаясь перед подлогом торговых документов и щедро раздавая взятки чиновникам и таможенникам. Еще большее распространение, чем при Деникине, получили представление фиктивных имущественных гарантий от банков и нотариусов, подделка экспортных свидетельств, вывоз без разрешения, уклонение от уплаты валютных отчислений и обратного ввоза промтоваров, а также банальная контрабанда. Взятки чиновникам торгово-промышленного ведомства и таможенникам приняли массовый характер и небывалые размеры. При этом торговцы громко выражали свое недовольство «стеснениями» торговли, обязательством обратного ввоза, волокитой и вымогательством, стремлением властей «ободрать купца в пользу казны». Именуя разрешительно-компенсационную систему, введенную «Правилами 9 декабря», социалистическим экспериментом, они требовали полной свободы ввоза и вывоза¹⁴.

К зерновым ресурсам Северной Таврии сразу потянулись частные торговцы, готовые скупать у крестьян остатки урожая 1919 г. и на корню урожаем 1920 г. Управление снабжений по решению генерала Вильчевского стало заключать с фирмами все больше договоров на вывоз ячменя в обмен на ввоз промтоваров, в которых остро нуждались армия и население. В итоге торговля ячменем сразу «приобрела чисто хищнический характер какой-то игры на скорость. В Константинополь ячмень попадал разрозненными мелкими партиями. Продавцы его были в руках организованных спекулянтов. Цены падали с каждым днем... При низких ценах на ячмень... все увеличивали число разрешений на вывоз, не могли не увеличивать»¹⁵. Всего с апреля до 1 июля частный экспорт из Таврии зерна — ячменя и вывезенной в обход запрета пшеницы, которую зачастую просто перемешивали с ячменем — составил около 1 млн пудов¹⁶.

Активное поощрение Управлением снабжений форсированного экспорта мелких партий ячменя, а также небескорыстное соучастие в нем чиновников, привело к падению цен на ячмень в Константинополе, куда везли основную его массу. В результате казна не получала валютные отчисления в ожидаемых размерах, а торговцы имели предлог для нарушения обязательств обратного ввоза и ловко его использовали.

Главную причину провала своих внешнеторговых расчетов Врангель и все его ближайшие помощники-генералы видели в том, что экспорт ячменя захватили в свои руки мелкие и средние фирмы, способные вывозить ячмень небольшими партиями и склонные к спекулятивным махинациям и обману казны. Страшно недовольный

таким ходом дел, Врангель 14 июня приказал Совету при главкоме (правительству) «немедленно выработать порядок осуществления мер для усиления закупки зерновых продуктов» государством и «весь приобретенный хлеб, за исключением потребного армии, сосредоточить в портах»¹⁷.

Тем временем прибывший по приглашению Врангеля в Крым А.В. Кривошеин, заняв должность помощника главкома по гражданской части, сразу взял в свои руки проведение экономической политики. Председательствуя в Совете при главкоме, пока Врангель был на фронте, он первым делом стал добиваться изъятия из ведения генерала Вильчевского вопросов торговли и промышленности. Он намеревался оградить предпринимателей от произвола военных властей, поставить крупные фирмы в преимущественное положение перед средними и мелкими, привлечь к товарообмену с Крымом крупные западные и эмигрантские капиталы.

Согласившись с ним, Врангель 15 июня восстановил Управление торговли и промышленности. Его официально объявленная задача, сформулированная самим Кривошеиным, состояла в «облегчении деятельности торгово-промышленного аппарата, раскрепощении внешних и внутренних торговых сношений от излишних стеснений и привлечении к делу частной инициативы». Однако начальника управления Врангель выбрал сам. В.С. Налбандов — крупный крымский землевладелец и финансист с репутацией «безукоризненно честного человека»¹⁸.

Госмонополия на экспорт зерна

С каждым днем становилось все более очевидно: своекорыстные действия торговцев и чиновников-мздоимцев превратили разрешительно-компенсационную систему, основанную на «Правилах 9 декабря», в решето, через которое валюта, минуя казну, сыпется в карманы торговцев. С другой стороны, из Северной Таврии в порты Крыма начало поступать зерно, прежде всего ячмень, закупленный у крестьян контрагентами учреждений. Налбандов сразу выдвинул идею монополизации зернового экспорта. Мера эта в первую очередь отвечала интересам казны, во вторую — крупных торговых компаний, которые предполагалось использовать в качестве контрагентов правительства. Реализация ее, по мнению Налбандова, должна была позволить более рационально использовать зерно как единственное богатство, доступное правительству, значительно пополнить валютный фонд и за его счет увеличить закупки за рубежом всего необходимого для армии и населения, наконец, приостановить рост цен на хлеб на внутреннем рынке и их падение на внешнем. Эта идея сразу пришлась по душе Врангелю и другим генералам, склонным все торговлю подчинить интересам снабжения армии¹⁹.

Приказом от 1 июля № 78 Врангель ввел государственную монополию хлебной торговли. Закупка зерна у крестьян в Северной Таврии и его экспорт были сосредоточены в руках особо уполномоченного Управления торговли и промышленности, а реализация зерна на зарубежных рынках была централизована в особой комиссии в Константинополе, подконтрольной Лукомскому. Сам Врангель мотивировал свое решение по-военному просто и прямолинейно: «Нашим единственным предметом вывоза мог быть хлеб, и единственной возможностью обеспечить дальнейшее боевое снабжение армии был обмен этого хлеба на предметы боевого снабжения. Приходилось остановиться на мысли монополизации вывоза хлеба. Мера эта неизбежно должна была вызвать неудовольствие в тех коммерческих кругах, которые преследовали прежде всего личную наживу, но другого исхода с государственной точки зрения не было»²⁰.

С учетом продовольственного кризиса в Таврии в качестве основного предмета государственного хлебного экспорта был выбран ячмень. Очевидные всем неповоротливость государственного аппарата и расстройство транспорта заставили Налбандова как можно шире привлекать частные торговые фирмы к закупке ячменя на внутреннем рынке и подвозу его к портам. Поэтому Налбандов и его ближайшие помощники разработали типовой договор, согласно которому контрагент обязывался закупить у крестьян не менее 200 тыс. пудов ячменя, подвезти его к портам, зафрахтовать суда для его перевозки и погрузить на них весь ячмень. Управление торговли и промышленности оплачивало 80% загруженного ячменя по твердым договорным ценам рублями деникинского и врангелевского правительств сразу в порту, а 20% — иностранной валютой после реализации его торговыми агентами на зарубежных рынках по тем ценам, которые удастся получить за ячмень. Эта схема зернового экспорта упростила как договорные отношения между правительством и его фирмами-контрагентами, так и реализацию договоров, сделала все операции прозрачными и легко доступными экспертизе государственного контроля. Желających работать по такой схеме нашлось более чем достаточно. За июль Управление торговли и промышленности заключило с крупными фирмами несколько десятков договоров на скупку и доставку к портам в общей сложности около 10 млн пудов ячменя²¹.

За вторую половину лета государственный экспорт ячменя был более или менее налажен. Ячмень скупался у крестьян частными торговцами, свозился в порты Северной Таврии — Скадовск, Хорлы, Геничеськ, а оттуда (иногда с перегрузкой в Феодосии) вывозился в Смирну, Константинополь и другие иностранные черноморские порты. Отправителем вывозимого ячменя было Управление торговли и промышленности, адресатами — торговые агенты, его заграничные

представители, которые и занимались реализацией ячменя. Налбандов, человек «упрямый и недоверчивый», больше всего боявшийся, «как бы его не обманули и как бы казну не обворовали», поставил все сделки под личный контроль. Он сам высчитывал финансовые условия каждого договора, стремясь на всем сэкономить и до минимума сократить прибыль торговцев²².

Монополизация хлебного экспорта и деятельность Налбандова вызвали сильнейшее недовольство массы фирм, которые оказались отстранены от самых выгодных экспортно-импортных операций. На Налбандова пошли письменные и устные жалобы Врангелю и Кривошеину. Как признал Врангель, «на правительство юга России сыпались обвинения в стеснении торговли, в удушении частной инициативы. Однако со всем этим не приходилось считаться»²³.

У крупных фирм тоже был повод для недовольства: общее ужесточение регулирующих мер неизбежно множило волокиту и породило целое море злоупотреблений. Но они сами этому способствовали: до подписания договора под разными предлогами пытались добиться изменения условий к своей выгоде, а уже в ходе торговой операции затягивали доставку ячменя к портам, прибегая к различным способам увеличения будущей прибыли. Чем жестче становились регулирование и мелочнее регламентация, чем сильнее урезал Налбандов прибыль торговцев, тем изобретательнее и циничнее они становились, тем активнее искали возможность за взятку преодолеть все стеснения очередного социалистического эксперимента очередного белого правительства. Обиженные жалобщики всех мастей и досужая молва, питаемая исходящими от них же фактами, виноватым во всем сделали именно Налбандова. Прежде уважаемый и популярный в Крыму «безукоризненно честный человек» даже по отзывам «ярких его противников», он вызвал против себя волну озлобления и ложных обвинений в мздоимстве²⁴.

Против Налбандова стали интриговать и высокие чины Главного интендантства, которые прежде имели возможность легко получать разрешения на вывоз зерна для собственных, уже прикормленных, фирм-контрагентов, и чиновники Управления торговли и промышленности, которые за взятки оказывали протекцию торговым фирмам, проталкивали выгодные тем договора. По мнению государственного контролера Н.В. Савича, Налбанов «многим мешал, что создавало ему множество врагов»²⁵.

Между тем государственная монополизация хлебного экспорта отчасти достигла главной цели: объем его вырос, увеличился и приток валюты в казну. За июль и август, как публично отчитался Налбандов, казенный экспорт ячменя составил 5 млн пудов²⁶. По подсчетам проживавшего в Крыму профессора П.П. Гензеля, известного экономиста,

с августа по октябрь 1920 г. вывоз ячменя составил около 6 млн пудов, что дало правительству 100-150 млн франков.²⁷

В октябре при отступлении армии Врангеля в Крым в Северной Таврии было оставлено большое количество зерна, закупленного частными фирмами и учреждениями. Виной тому стали разруха транспорта и царившая в Управлении торговли и промышленности волокита. А кроме того, по мнению Савича, — недоверчивость и скарденность Налбандова: именно «из-за вечных пререканий о величине фрахта пропустили удобное для вывоза из портов Северной Таврии время». Наступили вдруг ранние и сильные морозы, порты Азовского моря замерзли, и удобный момент для вывоза был упущен. В портах Северной Таврии остались невывезенными 3-4 млн пудов зерна. В итоге государственная монополия на экспорт ячменя, которая «сулила казне много десятков миллионов франков дохода, обратилась в чистый убыток», и немало предпринимателей, вложивших все деньги в его закупку, разорились²⁸.

В целом с апреля по октябрь 1920 г. при Врангеле львиную долю крымского экспорта составило ячмень, а импорта — продукция военного назначения и горюче-смазочные материалы, приобретаемые за вырученную валюту государственными учреждениями и их фирмами-контрагентами. Но даже при этом импорт вооружения, боеприпасов, военной техники и запасных частей к ней далеко не удовлетворил потребности армии Врангеля²⁹.

Вслед за правительством Деникина правительство Врангеля в 1920 г., когда территория белого юга сократилась до Крыма и Северной Таврии, опробовало и разрешительно-компенсационную систему внешней торговли, и ее частичную государственную монополизацию ради импорта военных и горюче-смазочных материалов для армии и транспорта. В итоге оно пришло к государственной монополизации, хотя и неполной. Все это породило острый конфликт между правительством и предпринимателями, привело к невиданной коррупции среди чиновников и к росту экономической преступности в предпринимательской среде. Именно по этим причинам эффективность всех испробованных врангелевским правительством способов и мер по регулированию внешней торговли была крайне низкой.

Примечания

¹ См.: *Карпенко С.В.* Из истории государственной монополизации внешней торговли в России: опыт правительства генерала А.И. Деникина (1919-1920 гг.) // *Экономический журнал.* 2011, № 1(21).

² ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 91. Л. 3.

³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4. Берлин, 1925. С. 230.

-
- ⁴ *Врангель П.Н.* Записки (ноябрь 1916 г. - ноябрь 1920 г.). Ч. II // Белое дело: Летопись белой борьбы. Кн. VI. Берлин, 1928. С. 20.
- ⁵ ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 56. Л. 1-7; Д. 66. Л. 1, 4, 7.
- ⁶ ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 53. Л. 56, 66; *Гензель П.П.* Крым в финансово-экономическом отношении в 1918-20 гг. // *Экономист.* 1922, № 3. С. 110.
- ⁷ *Михайловский Г.Н.* Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914-1920 гг. Кн. 2. М., 1993. С. 562-563.
- ⁸ *Росс Н.* Врангель в Крыму. Фр.-н/М., 1982. С. 199.
- ⁹ *Михайловский Г.Н.* Указ. соч. С. 530-531, 562-564, 575; *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 444.
- ¹⁰ *Лукомский А.С.* Воспоминания. Т. II. Берлин, 1922. С. 231.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 44. Л. 29-29об.; Д. 66. Л. 15.
- ¹² *Шафир Я.* Экономическая политика белых // *Антанта и Врангель.* М.; Пг., 1923. С. 106.
- ¹³ *Врангель П.Н.* Указ. соч. С. 106.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 3. Л. 42; Д. 25. Л. 23; Д. 89. Л. 110; Д. 94. Л. 30.
- ¹⁵ *Росс Н.* Указ. соч. С. 203.
- ¹⁶ Юг России (Севастополь). 1920. 1 сент.
- ¹⁷ *Росс Н.* Указ. соч. С. 203.
- ¹⁸ «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919-1951. Т. 1. М.; Стэнфорд, 2001. С. 251.
- ¹⁹ Там же. С. 250, 253.
- ²⁰ *Врангель П.Н.* Указ. соч. С. 117.
- ²¹ *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 369; *Гензель П.П.* Указ. соч. С. 111.
- ²² «Совершенно лично и доверительно!»... С. 251.
- ²³ *Врангель П.Н.* Указ. соч. С. 191.
- ²⁴ «Совершенно лично и доверительно!»... С. 251; *Оболенский В.А.* Крым при Врангеле. М.; Л., 1928. С. 42, 64-65.
- ²⁵ *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 369.
- ²⁶ Юг России. 1920. 1 сент.
- ²⁷ *Гензель П.П.* Указ. соч. С. 111.
- ²⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 448. Л. 136; Ф. 198. Оп. 3. Д. 577. Л. 395; Ф. 1574. Оп. 1. Д. 484. Л. 392; Ф. 7694. Оп. 2. Д. 159. Л. 99; *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 370.
- ²⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 116. Л. 115; Ф. 101. Оп. 1. Д. 149. Л. 7об., 8об.; Д. 174. Л. 141об.-142; Ф. 198. Оп. 3. Д. 620. Л. 30-23.

1. Sm.: Karpenko S.V. Iz istorii gosudarstvennoj monopolizacii vneshnej trgovli v Rossii: opyt pravitel'stva generala A.I.

-
- Denikina (1919-1920 gg.) // Jekonomicheskij zhurnal. 2011, № 1(21).
2. GA RF. F. 356. Op. 1. D. 91. L. 3.
 3. Denikin A.I. Ocherki russkoj smuty. T. 4. Berlin, 1925. S. 230.
 4. Vrangeli' P.N. Zapiski (nojabr' 1916 g. - nojabr' 1920 g.). Ch. II // Beloe delo: Letopis' beloj bor'by. Kn. VI. Berlin, 1928. S. 20.
 5. GA RF. F. 356. Op. 1. D. 56. L. 1-7; D. 66. L. 1, 4, 7.
 6. GA RF. F. 356. Op. 1. D. 53. L. 56, 66; Genzel' P.P. Krym v finansovo-jekonomicheskom otnoshenii v 1918-20 gg. // Jekonomist. 1922, № 3. S. 110.
 7. Mihajlovskij G.N. Zapiski: Iz istorii rossijskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva, 1914-1920 gg. Kn. 2. M., 1993. S. 562-563.
 8. Ross N. Vrangeli' v Krymu. Fr.-n/M., 1982. S. 199.
 9. Mihajlovskij G.N. Ukaz. soch. S. 530-531, 562-564, 575; Savich N.V. Vospominanija. SPb.; Djussel'dorf, 1993. S. 444.
 10. Lukomskij A.S. Vospominanija. T. II. Berlin, 1922. S. 231.
 11. GA RF. F. 356. Op. 1. D. 44. L. 29-29ob.; D. 66. L. 15.
 12. Shafir Ja. Jekonomicheskaja politika belyh // Antanta i Vrangeli'. M.; Pg., 1923. S. 106.
 13. Vrangeli' P.N. Ukaz. soch. S. 106.
 14. GA RF. F. 356. Op. 1. D. 3. L. 42; D. 25. L. 23; D. 89. L. 110; D. 94. L. 30.
 15. Ross N. Ukaz. soch. S. 203.
 16. Jug Rossii (Sevastopol'). 1920. 1 sent.
 17. Ross N. Ukaz. soch. S. 203.
 18. «Sovershenno lichno i doveritel'no!» B.A. Bahmetev – V.A. Maklakov. Perepiska. 1919-1951. T. 1. M.; Stjensford, 2001. S. 251.
 19. Tam zhe. S. 250, 253.
 20. Vrangeli' P.N. Ukaz. soch. S. 117.
 21. Savich N.V. Ukaz. soch. S. 369; Genzel' P.P. Ukaz. soch. S. 111.
 22. «Sovershenno lichno i doveritel'no!»... S. 251.
 23. Vrangeli' P.N. Ukaz. soch. S. 191.
 24. «Sovershenno lichno i doveritel'no!»... S. 251; Obolenskij V.A. Krym pri Vrangele. M.; L., 1928. S. 42, 64-65.
 25. Savich N.V. Ukaz. soch. S. 369.
 26. Jug Rossii. 1920. 1 sent.
 27. Genzel' P.P. Ukaz. soch. S. 111.
 28. RGVA. F. 6. Op. 4. D. 448. L. 136; F. 198. Op. 3. D. 577. L. 395; F. 1574. Op. 1. D. 484. L. 392; F. 7694. Op. 2. D. 159. L. 99; Savich N.V. Ukaz. soch. S. 370.

29.RGVA. F. 6. Op. 3. D. 116. L. 115; F. 101. Op. 1. D. 149. L. 7ob.,
8ob.; D. 174. L. 141ob.-142; F. 198. Op. 3. D. 620. L. 30-23.